

Матерьял

Годулевич получила вызов на соревнованье и обдумала его. Два пункта приняла, два отклонила и в один внесла поправку.

По соревнованию она должна была вести работу среди масс на воздухе. Закрыв библиотеку, она каждый вечер с несколькими книжками переходила в сад и привлекательно раскладывала их на столике в конце аллеи. Под залог какого-нибудь документа можно было брать их и читать под фонарем.

Она сидела. Киноаппарат трещал. Оркестр играл от времени до времени. Мальчишки подбегали иногда и делали ей эротические знаки пальцами или смотрели на нее в картонные очки, похожие на маски, с красным и зеленым стеклышками, выдававшие к "Чудесам теней". Один раз мимо столика прошли два кавалера, разговаривая о крем-соде.

Когда било десять, Годулевич уходила. Краковяки и мазурки раздавались вслед. Светила иногда луна, а иногда висели тучи и мигали молнии вдали. Из окон венстационара, освещенные из комнаты, высовывались люди в незастегнутых рубахах. - Дайте покурить, - просили они. Годулевич убегала в страхе. Башмаки стучали. - Всё работаете, - говорила ей хозяйка, отпирая, и она ложилась.

В выходные дни она ходила на картину, если была драма. Когда шла комедия, она сидела во дворе на леднике. Она читала, а внизу расхаживали люди, петухи кричали. Приходили гости к инженеру Сидорову - инженер Смирнов из коммунального отдела и старушка Паскудняк из цеэрка. Малинников со скрипкой появлялся у окна, насупясь, и играл "Кол-Нидрэй".

Вечер наступал. Гремели иногда телеги. Музыка летела из садов. Дверь открывалась. Сидоровы, стоя на пороге, оба длинные, махали вслед своим гостям. Белеясь в темноте, они отмахивались.

Раз Смирнов вернулся. - Да, - сказал он, - вы слышали новые куплеты "Ленин любит деток"? - оглянулся и запел вполголоса. Приблизясь, Годулевич кашлянула. Стало тихо, дверь захлопнулась, и гости разошлись.

Дни были долги, а недели коротки. Прошли кампании о кооперации и антивоенная. - "Работая на воздухе, - писала Годулевич в заявлении о предоставлении ей места в доме отдыха, - я не ослабила работу и в зимнем помещении. В результате мои нервы несколько расстроились". - И правда, она стала раздражительной и чуть не поругалась с абоненткой Рекс, которая спросила песенник.

В газете появилось объявление о чистке в коммунальном. Годулевич села и взяла перо. Она решила выступить там с матерьялом о Смирнове. Чтобы не забыть чего-нибудь, она составила записку.

В синем платье с желтыми полосками она отправилась. Венерики смотрели на нее из окон. На углах были расклеены портреты корифейки Степанянц и прима-балерины Праведниковой. Встречались абоненты и притрагивались к козырькам.

На чистке было людно. Председатель был шутник, и зрители покатывались. Коммунальщики сидели серые. Смирнов держал перед собой газету. Он дул на руки, подсовывал их под себя, вставал и выходил, позеленевший. Годулевич пожалела его. - Ну его, - подумала она.

Она раскаиалась в этом малодушии, когда приехала из дома отдыха, потяжелевшая на восемь фунтов, черная и шумная. Но ничего уже нельзя было исправить. Инженер Смирнов в ее отсутствие выбыл вместе с Сидоровыми в Таджикистан, откуда инженер Хозяинов по телеграфу известил их о местечках с дефицитными предметами и ставкой тысяча семьсот.

Уже прислали циркуляр о зимней культурботе, и заведующий клубом обещал дать Годулевич почитать его. Старушка Паскудняк, несмело улыбаясь, приходила на закате и сидела во дворе. - Когда они грузились, - просяив, смеялась она, - помните? - сбежались люди и смотрели. - Я была в отъезде, - говорила Годулевич и рассказывала ей о доме отдыха. Старушка Паскудняк заслушивалась, тихая. Малинников в подтяжках подходил.

Она рассказывала, сколько там давали масла и какой приятный собеседник был товарищ Шацкий из Клинцов. Она рассказывала, как придумала заметку для живой газеты, и как с Эльгой Нохимовной Рог пошла смотреть деревню: хлеб уже был убран, и кругом просторно было; ящерица побежала из-под ног; покрытые соломой, показались избы - сани и ходы валялись возле них.